

УПРАВЛЕНИЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕНЕДЖМЕНТА В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА РЫНКЕ КАПИТАЛА В СВОБОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОНАХ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Получено 11.01.2025

Доработано 18.02.2025

Принято 24.02.2025

УДК 004.8, 338, 339,7, 439

JEL C6, C30, D12, O36, Q41

DOI <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2025-8-1-55-69>

Безикова Екатерина Витальевна

Канд. юрид. наук, доц. каф. финансового права

Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-2764-9542

E-mail: Kathy_Bezikova@mail.ru

Михайлов Алексей Юрьевич

Канд. экон. наук, вед. науч. сотр.

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-2478-0307

E-mail: alexeyfa@ya.ru

АННОТАЦИЯ

Эта работа представляет собой комплексное исследование международного инвестиционного сотрудничества и концепции эффективности инноваций на рынке капитала в свободных экономических зонах (далее – СЭЗ) и их роли в современном мире. СЭЗ являются новыми центрами компетенций в различных социально-экономических и производственных сферах, способствуя развитию международного инвестиционного сотрудничества. В условиях современных рыночных отношений они могут стать катализатором структурных преобразований, стимулируя инновации, привлечение капиталовложений и обмен технологиями. Так, в условиях глобальной экономической трансформации и усиления конкуренции за технологическое лидерство СЭЗ становятся ключевым инструментом стимулирования инноваций и привлечения инвестиций. Финансовая деятельность, являясь ключевой сферой экономики, не только обеспечивает стабильность и устойчивость хозяйствующих субъектов, но и выступает драйвером инноваций, которые критически важны для повышения конкурентоспособности, оптимизации ресурсного управления и адаптации к глобальным вызовам, таким как цифровизация и санкционное давление. Анализ правовых моделей СЭЗ в странах Содружества Независимых Государств демонстрирует их разнонаправленность. В Российской Федерации, например, акцент сделан на промышленно-производственных зонах, где льготы увязаны с локализацией производств. В Китае, напротив, доминируют инновационно-технологические кластеры, предлагающие гранты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы и упрощенную миграцию кадров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Международное сотрудничество, рынок капитала, международные денежные потоки, свободная экономическая зона, Содружество Независимых Государств, развитие СЭЗ, экосистема, экономический рост

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Безикова Е.В., Михайлов А.Ю. Правовое регулирование и анализ эффективности менеджмента в области международного инвестиционного сотрудничества на рынке капитала в свободных экономических зонах ближнего зарубежья//E-Management. 2025. Т. 8, № 1. С. 55–69.

© Безикова Е.В., Михайлов А.Ю., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

MANAGEMENT: TRENDS AND PROSPECTS

LEGAL REGULATION AND ANALYSIS OF MANAGEMENT EFFECTIVENESS IN THE FIELD OF INTERNATIONAL INVESTMENT COOPERATION IN CAPITAL MARKET IN FREE ECONOMIC ZONES OF NEIGHBOURING COUNTRIES

Received 11.01.2025

Revised 18.02.2025

Accepted 24.02.2025

Ekaterina V. Bezikova

Cand. Sci. (Jur.), Assoc. Prof. at the Financial Law Department
Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2764-9542
E-mail: Kathy_Bezikova@mail.ru

Alexey Yu. Mikhaylov

Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher
Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-2478-0307
E-mail: alexeyfa@ya.ru

ABSTRACT

This article is a comprehensive study of international investment cooperation and concept of the effectiveness of innovation in free economic zones (hereinafter referred to as FEZ) and their role in the modern world. The FEZ represent new centres of competence in various socio-economic and industrial spheres, contributing to the development of the international investment cooperation. In modern market conditions, they can become a catalyst for structural transformation, stimulation of innovation, attraction of capital investment, and technology exchange. Thus, in the context of global economic transformation and increased competition for technological leadership, the FEZ are becoming a key tool for stimulating innovation and attracting investment. Financial activity, being a key area of the economy, not only ensures the stability and sustainability of business entities, but also acts as a driver of innovations that are critically important for increasing competitiveness, optimising resource management, and adapting to global challenges, such as digitalisation and sanctions pressure. The analysis of legal models of the FEZ in the countries of the Commonwealth of Independent States demonstrates their multidirectionality. In the Russian Federation, for example, the emphasis is on industrial production zones, where benefits are linked to the localisation of production. In contrast, China is dominated by innovation and technology clusters, offering research and design grants and simplified staff migration.

KEYWORDS

International cooperation, capital market, international cash flows, free economic zones, Commonwealth of Independent States, development of FEZ, ecosystem, economic growth

FOR CITATION

Bezikova E. V., Mikhaylov A. Yu. (2025) Legal regulation and analysis of management effectiveness in the field of international investment cooperation in capital market in free economic zones of neighbouring countries. *E-Management*, vol. 8, no. 1, pp. 55–69. DOI: 10.26425/2658-3445-2025-8-1-55-69

© Bezikova E. V., Mikhaylov A. Yu., 2025.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

По данным макроэкономического доклада Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК), в 2024 г. меры экономической политики государств Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), направленные на поддержание устойчивого роста, обеспечили увеличение совокупного валового внутреннего продукта (далее – ВВП) на 4,0 %, превысив показатели 2023 г. (3,8 %) и среднемировые темпы (3,2 %)¹. Новая конфигурация торговых и транспортных маршрутов, адаптация к изменившимся внешним условиям, а также рост внешнего спроса (в Армении, Казахстане, Кыргызстане) и внутреннего потребления (Беларусь, Российская Федерация (далее – РФ, Россия) стимулировали развитие ключевых секторов: розничной торговли (7,7 %), промышленности (4,3 %), туризма и финансовых услуг (2,9 %). Однако темпы роста строительства (3 %) и пассажирооборота (7,2 %) замедлились, а различия в макроэкономических условиях между странами-членами сохранились.

Торговые, финансовые и производственные связи в ЕАЭС продемонстрировали устойчивость: «стоимостной объем взаимной торговли товарами достиг исторического максимума в 2023 году (90,4 млрд долларов США), а за январь-октябрь 2024 года вырос на 11,7 %, составив 81,2 млрд долларов США. Взаимные инвестиции в 1 полугодии 2024 года увеличились до 2 млрд долларов США (против 1,9 млрд за аналогичный период 2023 года), при этом в Армении, Казахстане и Кыргызстане, благодаря сильным торговым связям с Россией, вырос приток средств в форме прочих инвестиций»². Отметим, что, несмотря на позитивную динамику, факторы роста, включая переориентацию торговых и финансовых потоков, а также трудовой миграции, постепенно теряют эффективность, что создает вызовы для сохранения текущих темпов развития.

Для стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), стремящихся преодолеть сырьевую зависимость и интегрироваться в новые цепочки создания стоимости, развитие СЭЗ приобретает стратегическое значение. Однако их эффективность напрямую зависит от качества правового регулирования, способного обеспечить баланс между фискальными стимулами, защитой прав инвесторов и созданием экосистемы для генерации инноваций. Несмотря на общие цели, подходы государств СНГ к формированию законодательной базы СЭЗ существенно различаются, что создает как возможности, так и риски для региональной кооперации.

АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ МОДЕЛЕЙ / LEGAL MODELS ANALYSIS

Анализ правовых моделей СЭЗ в странах СНГ демонстрирует их разнонаправленность. В России, например, акцент сделан на промышленно-производственные зоны, где льготы увязаны с локализацией производств. В Китае, напротив, доминируют инновационно-технологические кластеры, предлагающие гранты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (далее – НИОКР) и упрощенную миграцию кадров. Беларусь фокусируется на экспортно-ориентированных зонах, сочетая налоговые каникулы с субсидированием логистики. Общим вызовом остается фрагментация нормативной базы: только 30 % законодательных норм в СЭЗ СНГ гармонизированы в рамках ЕАЭС, что затрудняет кросс-региональные проекты и снижает инвестиционную привлекательность [Balcilar, Usman, Gungor, Roubaud, Wohar, 2021; Kenourgios, Umar, Lemonidi, 2020; Iqbal, 2021; Demirer, Ferrer, Shahzad, 2020; Otek, Yan, Nasiri, Mboungam, 2021].

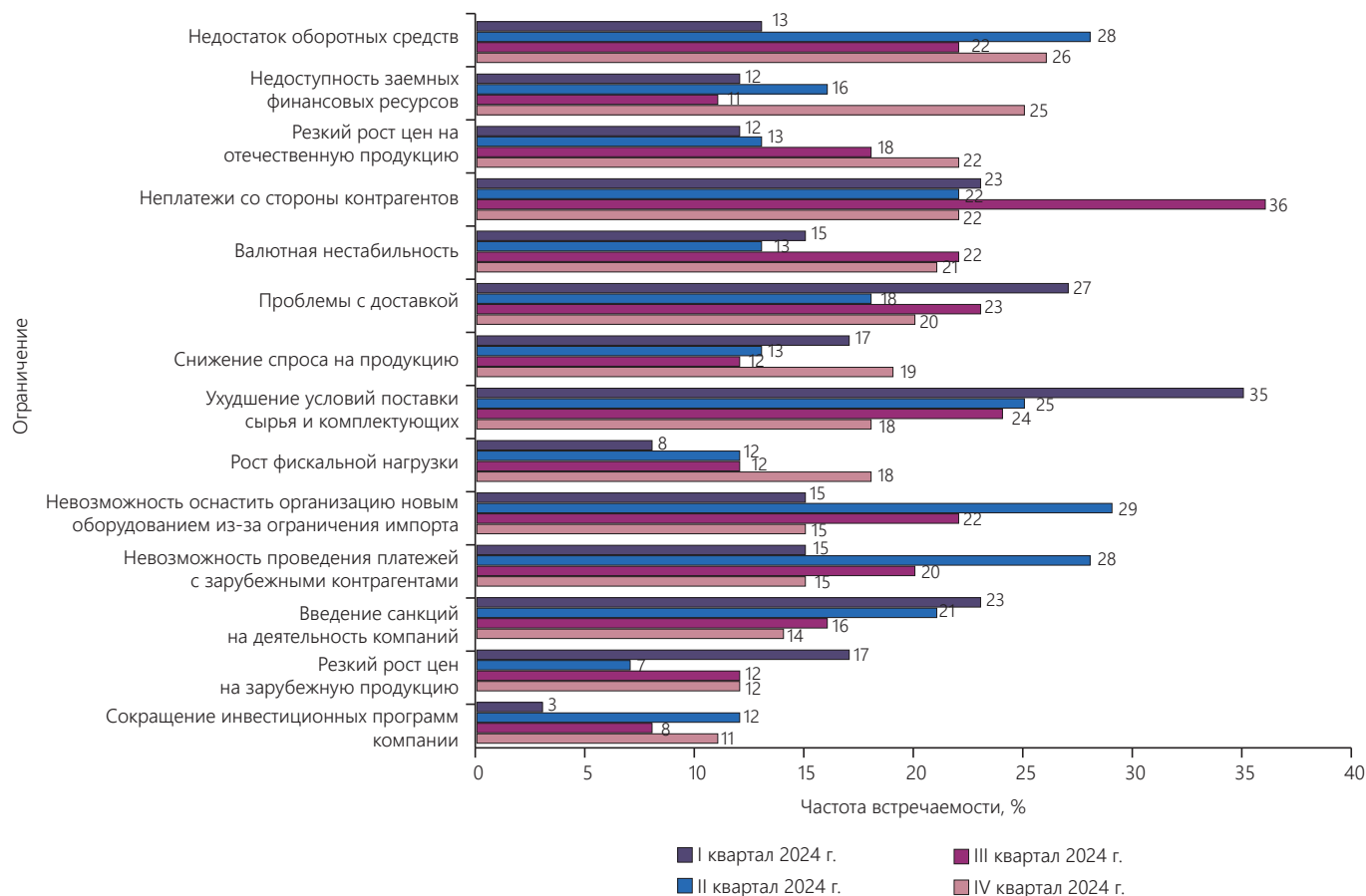
Например, Россия рассматривает СЭЗ как стратегический элемент экономической политики, позволяющий преодолевать структурные ограничения и переходить к инновационной модели развития. По данным Министерства экономического развития РФ, «в России функционируют 53 ОЭЗ, включая 34 промышленно-производственных, 7 технико-внедренческих, 10 туристско-рекреационных и 2 портовые зоны. За 19 лет в них зарегистрировано 1 208 резидентов, из которых лишь 109 (9 %) – компании с иностранным участием из 33 стран. Общий объем заявленных инвестиций достиг 6,3 трлн руб., но фактически реализовано только 1,8 трлн руб. (28,5 %). Создано 83 тыс. рабочих мест – 53 % от запланированных 155 тыс. При этом ОЭЗ обеспечили налоговые и таможенные отчисления в размере 465 млрд руб., что демонстрирует их вклад в бюджет»³.

¹ Содружество Независимых Государств. Аналитический доклад Евразийской экономической комиссии «О макроэкономической ситуации в государствах-членах Евразийского экономического союза и предложениях по обеспечению устойчивого экономического развития». Режим доступа: <https://e-cis.info/news/566/112660/?ysclid=m8g0e9kyps702950253> (дата обращения: 03.01.2025).

² Там же.

³ Особые экономические зоны. Режим доступа: https://economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/instrumenty_razvitiya_territoriy/osobyie_ekonomicheskie_zony/ (дата обращения: 03.01.2025).

Объем выручки резидентов особой экономической зоны (далее – ОЭЗ) «Алабуга» (Татарстан) в 2024 г. достиг 196,5 млрд руб., фактические инвестиции в зону превысили 177 млрд руб., число созданных рабочих мест – 25 тыс., совокупная выручка резидентов за год приблизилась к 200 млрд руб.⁴ Однако подобный кейс является, скорее, исключением. Эффективность СЭЗ напрямую зависит от качества их правового регулирования, гармонизации законодательства и адаптации международного опыта к национальным реалиям. В результате российские инвесторы сталкиваются с определенными рисками, что подтверждается опросом Российского союза промышленников и предпринимателей (2024 г.)⁵. Рассмотрим главные ограничения деятельности организаций (см. рисунок).

Примечание: вопрос предполагал возможность множественного выбора варианта ответа; сумма не сводится к 100 %; данные округлены до целого значения и представлены по убыванию среднего значения; Порог отсеечения ~10 % в данных за год (по среднему значению)

Составлено авторами по материалам источника⁶ / *Compiled by the authors on the materials of the source*⁶

Рисунок. Главные ограничения деятельности российских компаний в 2024 г.

Figure. Main restrictions on the activities of Russian companies in 2024

Так, к концу 2024 г. обострились проблемы с оборотными средствами (рост с 13,3 % в I квартале до 25 % в IV квартале) и доступностью кредитов (с 11–16 до 25 %). Резкий рост цен на отечественную продукцию беспокоил 22 % компаний (против 15 % в начале года). Неплатежи контрагентов достигли пика

⁴ ТАСС. Выручка резидентов ОЭЗ «Алабуга» за 2024 год превысила 196 млрд рублей. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/23025119> (дата обращения: 03.01.2025).

⁵ Российский союз промышленников и предпринимателей. Состояние российской экономики и деятельность компаний: результаты мониторинга РСПП в 2024 году. Режим доступа: <https://rspp.ru/activity/analytics/sostoyanie-rossiyskoy-ekonomiki-i-deyatelnost-kompaniy-rezultaty-monitoringa-rspp-v-2024-godu/> (дата обращения: 03.01.2025).

⁶ Российский союз промышленников и предпринимателей. Официальный сайт. Режим доступа: <https://rspp.ru/> (дата обращения: 03.01.2025).

в III квартале (36 %), снизившись до 22 % к концу года. Валютная нестабильность стала критичной для более чем 20 % предприятий начиная с III квартала. Логистические сложности (26,7 % в I квартале) сохранялись на уровне 20 %, а спрос снизился до 19 % в IV квартале. Поставки сырья сократились с 34,7 % (I квартал) до 18 % (IV квартал), фискальная нагрузка выросла с 7,4 до 17,7 %. Ограничения коснулись 29,4 % импорта оборудования во II квартале, а количество трудностей с международными платежами увеличилось в два раза к середине года. Санкционное давление снизилось с 20 до 13,8 % к концу года.

67 % компаний сокращали расходы, 36,9 % повысили цены к IV кварталу (против прежних 20 %). Интенсивность внедрения энергосберегающих (44,4 % в I квартале) и цифровых технологий (41,7 %) снизилась до 26–30 %. Около 20 % предприятий увеличивали выпуск без расширения производства, а 35,2 % (III квартал) сохраняли инвестиции. 13,9 % компаний пересмотрели поставщиков (вместо прежних 20 %), инвестиции сократились до 10 % в IV квартале. К концу года 30 % перешли на дешевое сырье, 25 % сократили благотворительность, 9 % – расходы на персонал.

Всего 10 % компаний не столкнулись с проблемами. Сокращение административных расходов (80 %) и затрат на услуги (49 % в III квартале) оставалось ключевой мерой. Динамика большинства показателей сохранялась, однако к концу года усилилось ценовое давление, увеличились логистические издержки и появилась необходимость адаптации к санкциям. Лишь 2,3 % компаний к IV кварталу отмечали задержки платежей банками, тогда как производство сократилось до 9,2 %.

Ключевые проблемы бизнеса в 2024 г. свидетельствуют о возрастании финансовых рисков, связанных с оборотными средствами, доступностью кредитов и валютной нестабильностью. Существенное влияние на предприятия оказали логистические сложности, снижение спроса и рост фискальной нагрузки. Компании вынуждены адаптироваться к новым условиям, сокращая расходы, повышая цены и оптимизируя бизнес-процессы. Тем не менее, снижение темпов внедрения энергосберегающих и цифровых технологий может ослабить конкурентоспособность в долгосрочной перспективе. Общие тенденции указывают на усиление ценового давления и необходимость дальнейшей адаптации к санкциям. При этом сокращение административных и операционных расходов остается приоритетной мерой для большинства предприятий.

Таким образом, одними из ключевых факторов успешного функционирования СЭЗ являются стабильность правовой базы и ее адаптация к актуальным экономическим условиям. Например, налоговые льготы, предоставляемые в российских СЭЗ, часто уступают аналогичным механизмам в странах СНГ (ЕЭК, 2022 г.)⁷. Вместе с тем международный опыт свидетельствует о значительных преимуществах унификации и совершенствования правового регулирования СЭЗ. Например, Казахстан, проведя реформы в рамках ЕАЭС, за 5 лет увеличил экспортный потенциал своих экономических зон на 18 %⁸. По оценкам Всемирного банка⁹, снижение регуляторной нагрузки в российских СЭЗ могло бы повысить их инвестиционную привлекательность на 25–30 %, что свидетельствует о значительном потенциале развития данной сферы при условии совершенствования законодательных механизмов и устранения правовых барьеров.

Правовое регулирование финансовых отношений в сфере организации СЭЗ в странах СНГ является важным фактором обеспечения устойчивого экономического роста, привлечения инвестиций и формирования благоприятной деловой среды. Анализ существующих правовых механизмов и выявление возможных направлений их совершенствования позволят создать более конкурентоспособную и эффективную систему регулирования, отвечающую современным экономическим вызовам.

⁷ Содружество Независимых Государств. Аналитический доклад Евразийской экономической комиссии «О макроэкономической ситуации в государствах-членах Евразийского экономического союза и предложениях по обеспечению устойчивого экономического развития». Режим доступа: <https://e-cis.info/news/566/112660/?ysclid=m8g0e9kyps702950253> (дата обращения: 03.01.2025).

⁸ Евразийская экономическая комиссия. Годовой отчет ЕЭК о состоянии конкуренции на трансграничных рынках и мерах, принимаемых по пресечению нарушений общих правил конкуренции на них. 2023 год. Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dar/report/2023.php> (дата обращения: 03.01.2025).

⁹ Группа Всемирного банка. Доклад об экономике региона Европы и Центральной Азии. Весна 2021: данные, цифровизация и государственное управление. Режим доступа: <https://documents.worldbank.org/ru/publication/documents-reports/documentdetail/125071619505371712/europe-and-central-asia-economic-update-spring-2021-data-digitalization-and-governance> (дата обращения: 03.01.2025).

АНТИРОССИЙСКИЕ САНКЦИИ / ANTI-RUSSIAN SANCTIONS

В марте 2022 г. Правительство России утвердило первый перечень иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия по отношению к РФ, российским юридическим и физическим лицам¹⁰. Обозначенный список утвержден для исполнения обязательств по специальным правилам, введения контрсанкций и для других целей. Предполагается, что страны, не вошедшие в перечень недружественных, считаются дружественными или нейтральными¹¹.

Ряд международных и региональных организаций созданы и функционируют при активном участии России. К таким в первую очередь относятся БРИКС (англ. BRICS, Brazil, Russia, India, China, South Africa – Россия, Индия, Китай, Южная Африка), Евразийский союз (далее – ЕС), Организация Договора о коллективной безопасности и Шанхайская организация сотрудничества [Kim, Shin, 2021; Mikhaylov, Yousif, Dincer, Yüksel, Karpyn, 2025; Mutalimov, Kovaleva, Mikhaylov, Stepanova, 2021; Mikhaylov, 2023; Guang-Wen, Murshed, Siddik, Alam, Balsalobre-Lorente, Mahmood, 2023; Umar, Yousaf, Aharon, 2021].

По состоянию на август 2023 г. перечень недружественных государств, утвержденный Правительством РФ, состоит из 49 стран (в основном западные государства, включая Соединенные Штаты Америки, страны ЕС, Великобританию, Японию и др.)¹². В категорию дружественных/нейтральных попадают 144 страны (из 193 государств-членов Организации Объединенных Наций (далее – ООН), включая Китай, Индию, Турцию, Объединенные Арабские Эмираты (далее – ОАЭ), страны СНГ, Африки, Латинской Америки и части Азии.

Для СЭЗ это означает смещение фокуса на:

- 1) привлечение капитала и технологий из дружественных юрисдикций, где ключевыми партнерами становятся Китай, Индия и государства ЕАЭС;
- 2) адаптацию правовых механизмов: упрощение валютного контроля, налоговые льготы для резидентов из этих стран, создание совместных производств (например, в ОЭЗ «Алабуга» 40 % новых резидентов – компании из Азии);
- 3) снижение зависимости от санкционных рисков: переориентация логистики через портовые СЭЗ и развитие альтернативных транспортных коридоров.

Санкционная политика трансформирует роль СЭЗ как инструмента деофшоризации и экономического моста с незападным миром. Однако успех зависит от согласованности правовых норм и способности компенсировать потери европейских рынков новыми партнерствами.

21 сентября 2023 г. Правительство РФ утвердило еще один перечень¹³. 2 февраля 2025 г. список расширили до 40 государств, включив дополнительные страны: Аргентину, Камбоджу, Лаос, Мексику, Нигерию, Тунис и Эфиопию¹⁴. Это расширение перечня направлено на дальнейшее укрепление международного сотрудничества и развитие финансовых связей с указанными государствами.

¹⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» (редакция от 07.03.2022 г.) Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203070001?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 03.01.2025).

¹¹ Ответы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на вопросы СМИ по итогам двусторонних встреч «на полях» Министерской встречи стран-соседей Афганистана, Туниси, 30 марта 2022 года. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1807276/ (дата обращения: 03.01.2025).

¹² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» (редакция от 29.10.2022 г.). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/ (дата обращения: 03.01.2025).

¹³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2023 г. № 2530-р «Об утверждении перечня иностранных государств, в которых зарегистрированы иностранные банки (иностраные кредитные организации), действующие от своего имени и за свой счет, и иностранные юридические лица, осуществляющие деятельность, аналогичную деятельности брокера, которые могут быть допущены к участию в организованных торгах иностранной валютой и в организованных торгах, на которых заключаются договоры, являющиеся производными финансовыми инструментами, базисным активом которых являются валюта и (или) процентные ставки». Режим доступа: <http://government.ru/news/49557/> (дата обращения: 03.01.2025).

¹⁴ Известия. Правительство расширило до 40 список стран для участия в валютных торгах в РФ. Режим доступа: <https://iz.ru/1832412/2025-02-02/pravitelstvo-rasshirilo-do-40-spisok-stran-dlia-uchastiia-v-valiutnykh-torgakh-v-rf> (дата обращения: 03.01.2025).

Отдельно уточним, что, несмотря на 355 действующих региональных торговых соглашений, по данным Всемирной торговой организации, включая сети Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (англ. Association of South East Asian Nations, далее – ASEAN; включает соглашения с Китаем, Индией, Японией, Республикой Корея, AANZFTA (англ. ASEAN Free Trade Area – зона свободной торговли, созданная ASEAN) и МЕРКОСУР (исп. Mercado Común del Sur – Южно-американский общий рынок; партнеры – Египет, Индия, Израиль, ЕС), вовлеченность ЕАЭС в эту систему ограничена. Союз заключил соглашения о свободной торговле с Вьетнамом (2016 г.), Сербией (2021 г.), Ираном (2019 г.) и Сингапуром (не вступило в силу).

Сохранить позитивную динамику взаимной торговли внутри ЕАЭС становится все сложнее. Если в 2022–2023 гг. ее рост (+18 % в 2023 г., по данным ЕЭК) обеспечивался переориентацией цепочек, то сейчас эффект этого фактора исчерпан. Для устойчивого развития ключевыми становятся внутренние драйверы: увеличение производственных мощностей (например, рост выпуска машин и оборудования в РФ на 12 % за 2023 г.) и стимулирование спроса (частное потребление в ЕАЭС выросло на 6,7 % в 2024 г.). Можно сделать следующие выводы:

- геополитическая перестройка торговли ЕАЭС достигла плато, требуя новых инструментов интеграции;
- резерв роста – углубление кооперации внутри союза (доля взаимной торговли в ВВП ЕАЭС – 9,2 % в 2024 г. против 8,5 % в 2020 г.);
- без структурных реформ в экономиках стран-членов (диверсификация, цифровизация) позиции ЕАЭС в мировой торговле рискуют остаться маргинальными.

В ноябре 2024 г. Президент России предложил государствам БРИКС наладить прямой контакт между ОЭЗ, признанными эффективным механизмом торгово-промышленного сотрудничества. По данным издания «Коммерсантъ», «в странах БРИКС действует более 2,5 тыс. ОЭЗ (40 % мирового показателя), а в России в 53 таких зонах работают свыше 100 резидентов с иностранным капиталом, привлечших около \$20 млрд инвестиций. Страны планируют разрабатывать общие стандарты функционирования ОЭЗ и делиться успешными моделями управления»¹⁵.

Регионы активно создают новые ОЭЗ. Вологодская область запустит первую площадку в 2025 г. (инвестиции – 8,7 млрд руб., 800 рабочих мест). В Новосибирской области ОЭЗ создается без государственного финансирования, предполагаются 9,2 млрд руб. частных вложений и 700 рабочих мест. Также расширяются существующие ОЭЗ: в Ханты-Мансийском автономном округе появится мебельная фабрика (5 млрд руб.), в Иваново строится крупнейший в регионе завод дорожной техники (10 млрд руб.).

Власти поддерживают ОЭЗ дополнительными мерами, включая инфраструктурные бюджетные кредиты и субсидии. Например, в Тульской области возместят 1,5 млрд руб. на развитие ОЭЗ «Узловая», что позволит резидентам вложить 13,8 млрд руб. и создать 1 тыс. рабочих мест. Разрабатываются новые инструменты поддержки: разрешение передачи в залог арендуемых государственных земель упростит доступ резидентов к кредитам, а перевод лесных земель в категорию рекреационных расширит туристско-рекреационные ОЭЗ.

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ / DEVELOPMENT OF INNOVATIVE DIRECTIONS IN NEIGHBOURING COUNTRIES

Особое внимание уделяется развитию инновационных направлений. К 2030 г. в России появятся 48 научно-производственных центров испытаний беспилотных авиационных систем (сейчас их 12). Создание Международной ассоциации ОЭЗ стран БРИКС позволит выстраивать кооперационные цепочки, стимулировать экспорт и внедрять современные технологии¹⁶, а сотрудничество между странами повысит конкурентоспособность малого и среднего бизнеса [Chang, Taghizadeh-Hesary, Chen, Mohsin, 2022; Wu, 2022; Avdjiev, McGuire, von Peter, 2020; Fajardo, Mendes, 2020; Samitas, Kampouris, Umar, 2022; Jian, Fan, Zhao, 2022; Zhang, Wang, 2020; Ferriani, 2021].

¹⁵ Еремина Т. ОЭЗ пошли на мировую. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7328341> (дата обращения: 03.01.2025).

¹⁶ Escalante D., Choi J., Chin N., Cui Yi., Larsen M.L. The state and effectiveness of the green bond market in China. Режим доступа: https://www.climatepolicyinitiative.org/wp-content/uploads/2020/06/The_State_and_Effectiveness_of_the_Green_Bond_Market_in_China.pdf (дата обращения: 03.01.2025).

Такое активное развитие инновационных направлений и расширение международного сотрудничества в рамках БРИКС создают благоприятные условия для углубленного анализа механизмов финансово-правового регулирования. Важно учитывать, как подобные процессы влияют на специальные режимы предпринимательской деятельности, особенно в странах СНГ [Зверков, Козловский, Шпиленко, 2021] и в других дружественных государствах. Это требует детального рассмотрения правовых и экономических аспектов функционирования ОЭЗ и их роли в стимулировании международного партнерства и привлечении инвестиций.

На территории Республики Таджикистан действуют 5 СЭЗ нескольких типов (производственно-инновационные «Дангара», «Сугд», производственно-коммерческая «Ишкoшим», промышленно-инновационная «Куляб» и СЭЗ комплексного типа «Панч»). В национальной стратегии развития республики Таджикистан институт СЭЗ закреплён как приоритетное направление привлечения инвестиций, технологий, инноваций, укрепления экспорта, создания рабочих мест и развития регионов¹⁷. Фактически аналогичные цели в РФ в той или иной мере закреплёны в отечественном законодательстве для ОЭЗ, специальных административных районов, территорий опережающего социально-экономического развития и для Арктической зоны РФ. Нормы основного закона, регулирующего деятельность СЭЗ¹⁸, тождественны с предписаниями российского закона об ОЭЗ¹⁹. Конкурентными по отношению к РФ преимуществами СЭЗ Таджикистана можно обозначить близость к рынкам сбыта готовой продукции между Китаем, Средней Азией и Ближним Востоком, выгодное местоположение объектов транспортных инфраструктур, налоговые скидки (практически во всех случаях до 0 %), достаточно простая процедура получения статуса резидента. Внедрена программа развития ООН (далее – ПРООН) среди таких стран, как Китай, Саудовская Аравия, Иран, Турция, Узбекистан, Украина, Канада, Афганистан, Казахстан²⁰.

Деятельность 5 СЭЗ Таджикистана регулируется Законом Республики Таджикистан «О свободных экономических зонах»²¹. В нём существует ряд пробелов:

- отсутствие законов (или подзаконных актов) для инновационных кластеров (в отличие от Казахстана, где СЭЗ «Парк информационных технологий» регулируется отдельным актом);
- недостаточная гармонизация с нормами ЕАЭС²².

Тем не менее, можно отметить положительные аспекты эффективности инноваций в СЭЗ Таджикистана (доля высокотехнологичной продукции в экспорте СЭЗ – 8 % (2023 г.), что ниже, чем в Казахстане (18 %, отчет акционерного общества «СЭЗ «Астана Хаб»); объём инвестиций в НИОКР – 12 млн долл. США (1,2 % от общего притока в СЭЗ, что в 5 раз меньше, чем в СЭЗ «Иннополис» (Россия). Например, в СЭЗ «Сугд», где 15 % резидентов – ИТ-компании (ИТ – информационные технологии), предлагаются льготы на закупку цифрового оборудования²³, а СЭЗ «Дангара» характеризуется пилотными проектами в агротехнологиях при поддержке китайских инвестиций (50 млн долл. США в 2022–2023 гг.)²⁴.

¹⁷ Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года. Режим доступа: https://khovar.tj/wp-content/uploads/2017/01/NSR-2030_russkij.pdf?ysclid=m8g18lecwf935912763 (дата обращения: 03.01.2025).

¹⁸ Закон Республики Таджикистан от 02.01.2019 г. № 1581 «О свободных экономических зонах». Режим доступа: <https://andoz.tj/docs/zakoni/Закон%20РТ%20О%20свободных%20экономических%20зонах.pdf> (дата обращения: 03.01.2025).

¹⁹ Федеральный закон от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в РФ». Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/doc-15842204/?ysclid=m8gyhrytxt125072449> (дата обращения: 03.01.2025).

²⁰ Организация Объединённых Наций. Программа развития Организации Объединённых Наций. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/ga/undp/> (дата обращения: 03.01.2025).

²¹ Закон Республики Таджикистан от 02.01.2019 г. № 1581 «О свободных экономических зонах». Режим доступа: <https://andoz.tj/docs/zakoni/Закон%20РТ%20О%20свободных%20экономических%20зонах.pdf> (дата обращения: 03.01.2025).

²² Евразийская экономическая комиссия. Годовой доклад за 2023 год «Об итогах и перспективах социально-экономического развития государств-членов Евразийского экономического союза и мерах, предпринятых государствами-членами в области макроэкономической политики». Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ff5/0130q0rsakw0fgm49ktkca65ldh47iti/Annual_report_2023.pdf (дата обращения: 03.01.2025).

²³ Об итогах деятельности Министерства экономики Республики Татарстан за 2023 год. Режим доступа: <https://mert.tatarstan.ru/file/mert/File/O6%20итогах%20деятельности%20Министерства%20экономики%20РТ%20за%202023%20год.pdf?ysclid=m8gytet4ih707512645> (дата обращения: 03.01.2025).

²⁴ Министерство коммерции Китайской Народной Республики. Официальный сайт. Режим доступа: <https://russian.mofcom.gov.cn/> (дата обращения: 03.01.2025).

В 2023 г. Таджикистан запустил две ключевые инициативы в рамках стратегии технологического и промышленного развития²⁵. Первый проект – ИТ-технопарк «Умный город» в Душанбе, создаваемый при поддержке столичных властей. Его цель – стимулировать рост ИТ-сектора через обучение населения (мастер-классы, тренинги, научные конференции) и поддержку стартапов в коммерциализации инноваций. Планируется привлечение отечественных и иностранных инвесторов для создания экосистемы, ориентированной на подготовку высококвалифицированных кадров и развитие цифровой экономики.

Второй значимый проект – инновационный технологический парк в Пянджском районе, строительство которого начато в ноябре 2023 г. На площади 3 га разместятся 9 предприятий по производству импортозамещающей продукции: от продуктов питания и бытовых товаров до строительных материалов. После завершения проект создаст свыше 200 рабочих мест и станет частью программы ускоренной индустриализации. К 35-летию независимости Таджикистана власти планируют расширить сеть таких технопарков до 30 объектов, что позволиткратно увеличить объемы локального производства и снизить зависимость от импорта.

СЭЗ Таджикистана обладают рядом стратегических преимуществ, ключевым из которых является географическая близость к основным рынкам Азии и Ближнего Востока. Благодаря транспортному коридору «Китай – Таджикистан – Узбекистан» логистические издержки сокращаются на 20–25 %, что усиливает привлекательность зон для экспортно-ориентированных производств²⁶. Интеграция СЭЗ «Пяндж» в международные транспортные маршруты, включая проекты CAREC (англ. Central Asia Regional Economic Cooperation – Центральноазиатское региональное экономическое сотрудничество), обеспечивает доступ к портам Ирана и ОАЭ, а нулевые налоговые ставки привлекают инвесторов, хотя 70 % резидентов до сих пор заняты в низкотехнологичных отраслях (текстиль, пищевая промышленность)^{27,28}.

Несмотря на потенциал, СЭЗ сталкиваются с системными ограничениями – отсутствие специализированных технопарков и дефицит квалифицированных кадров (лишь 12 % сотрудников имеют высшее техническое образование)^{29,30}. Для преодоления этих барьеров целесообразно внедрить грантовую поддержку НИОКР и обеспечить доступ резидентов к цифровым платформам ЕАЭС, включая единую базу патентов, что упростит трансфер технологий и повысит инновационную активность.

Можно заключить, что СЭЗ Таджикистана требуют модернизации правовой базы и усиления инновационной инфраструктуры для перехода от сырьевой модели к технологической. Без интеграции с ЕАЭС и инвестиций в кадры их потенциал останется нереализованным.

В Азербайджанской Республике есть одна СЭЗ «Алят», где действуют свободная таможенная зона, упрощенное визовое обслуживание, отсутствуют ограничения на участие иностранного капитала, предусмотрена защита инвестиций и интеллектуальной собственности³¹.

СЭЗ «Алят»³², созданная в 2018 г., позиционируется как платформа для привлечения высокотехнологичных производств и инновационных проектов. Налоговые льготы (освобождение от НДС, налога на прибыль,

²⁵ Али С. Таджикистан приступает к созданию технопарков. НИАТ «Ховар» рассказывает о том, что такое ИТ-парк, для чего он нужен и сколько стоит его строительство. Режим доступа: <https://khovar.tj/rus/2022/12/tadzhikistan-pristupaet-k-sozdaniyu-tehnoparkov-niat-hovar-rasskazyyaet-o-tom-chto-takoe-it-park-dlya-chego-on-nuzhen-i-skolko-stoit-ego-stroitelstvo/> (дата обращения: 03.01.2025).

²⁶ World Bank. Средний торгово-транспортный коридор. Режим доступа: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/6db8357f7577756fc20492968d8bc0ca-0080062023/original/Middle-Trade-and-Transport-Corridor-Executive-Summary-RUS.pdf> (дата обращения: 04.01.2025).

²⁷ Евразийский Банк Развития. Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР – 2023. Режим доступа: https://eabr.org/upload/iblock/82b/EDB_2023_Report-5_Monitoring-of-Mutual-Investments_rus.pdf (дата обращения: 04.01.2025).

²⁸ Об итогах деятельности Министерства экономики Республики Татарстан за 2023 год. Режим доступа: <https://mert.tatarstan.ru/file/mert/File/O6%20итогах%20деятельности%20Министерства%20экономики%20РТ%20за%202023%20год.pdf?ysclid=m8gytet4ih707512645> (дата обращения: 03.01.2025).

²⁹ Там же.

³⁰ Организация Объединенных Наций по промышленному развитию. Ежегодный доклад. 2023 год. Прогресс на основе инноваций. Режим доступа: https://www.unido.org/sites/default/files/unido-publications/2024-05/Annual%20Report%202023-Russian%20Spread_1.pdf (дата обращения: 04.01.2025).

³¹ Закон Азербайджанской республики от 14.04.2009 № 791-ПІІ «Об особых экономических зонах». Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=28132 (дата обращения: 04.01.2025).

³² Caspian Legal Center. Свободная экономическая зона «Алят». Режим доступа: <https://www.caspianlegalcenter.az/ru/insights/more/alat-free-zone> (дата обращения: 04.01.2025).

таможенных пошлин) и защита интеллектуальной собственности создают привлекательные условия для стартапов и ИТ-компаний³³. Например, в 2023 г. в зоне зарегистрирован первый технологический кластер, специализирующийся на разработке решений для «умного города» и альтернативной энергетики, с участием компаний из Турции и ОАЭ. Однако ключевой вызов – низкая доля резидентов, занятых в НИОКР: лишь 15 % проектов относятся к высокотехнологичному сектору³⁴, тогда как основная активность сосредоточена в логистике и традиционном производстве. Для усиления инновационной составляющей власти планируют запуск акселерационных программ совместно с Бакинским инженерным университетом, а также гранты до 500 тыс. долл. США на внедрение Industry 4.0³⁵.

«Алят» делает ставку на интеграцию цифровых инструментов для повышения эффективности. В 2024 г. запущена блокчейн-платформа для таможенного оформления, сократившая сроки обработки грузов с трех дней до 8 часов. Кроме того, зона активно привлекает международные ИТ-корпорации: в партнерстве с компанией Microsoft открыт Центр искусственного интеллекта, где резиденты тестируют решения для агротехники и телемедицины. Потенциал роста связан с развитием инфраструктуры. Так, к 2026 г. планируется построить технопарк площадью 20 га с лабораториями и коворкинг-зонами³⁶. Однако для конкуренции с лидерами региона (Казахстан, Узбекистан) Азербайджану необходимо усилить кадровую базу: только 8 % сотрудников-резидентов имеют опыт работы в инновационных проектах. Решение видится в создании образовательных программ с фокусом на цифровые навыки и привлечении иностранных экспертов через упрощенный визовый режим.

СЭЗ «Алят» демонстрирует прогресс в создании инновационной экосистемы, но ее эффективность пока ограничена доминированием традиционных отраслей. Для перехода к модели «СЭЗ 2.0» критически важны инвестиции в НИОКР, образовательные инициативы и расширение международных технологических альянсов.

В Республике Узбекистан функционируют 23 СЭЗ³⁷, специализирующиеся на промышленности, в том числе фармацевтической, на сельском хозяйстве и туризме. Отличительной характерной чертой СЭЗ в Узбекистане, схожей с СЭЗ в РФ, является особая ориентация на инфраструктурное обеспечение деятельности. Так, в настоящее время, по официальным данным, реализуются 932 инвестиционных проекта общей стоимостью 8,5 млрд дол. США³⁸ (из которых 4,6 – прямые иностранные инвестиции), создано 80 тыс. рабочих мест [Зверков, Козловский, Шпиленко, 2021].

Тем не менее, СЭЗ Узбекистана демонстрируют растущий фокус на инновации. Например, в СЭЗ «Навои» создан центр цифровой логистики, интегрирующий блокчейн для отслеживания поставок сельскохозяйственной продукции в страны ЕАЭС. Эти проекты поддерживаются налоговыми льготами для ИТ-компаний (нулевая ставка налога на прибыль) и программой «Цифровой Узбекистан», направленной на обучение 100 тыс. ИТ-специалистов к 2025 г. Однако инновационная активность распределена неравномерно: 70 % инвестиций в СЭЗ по-прежнему приходится на традиционные отрасли (текстиль, пищевая промышленность), а доля высокотехнологичной продукции в экспорте зон не превышает 12 %³⁹.

Несмотря на прогресс, СЭЗ Узбекистана сталкиваются с системными проблемами, тормозящими переход к модели экономики знаний. Во-первых, малое количество резидентов СЭЗ занимаются НИОКР, а объем частных инвестиций в инновации ниже, чем в казахстанских технопарках. Инфраструктурные проекты ориентированы на строительство заводов, а не лабораторий или ИТ-хабов. Например, в СЭЗ «Джизак» 90 % резидентов – предприятия легкой промышленности, использующие устаревшие технологии⁴⁰. Важно отметить,

³³ Ministry of Economy of Azerbaijan Republic. Официальный сайт. Режим доступа: <https://economy.gov.az> (дата обращения: 04.01.2025). (In Azerbaijani).

³⁴ Trend News Agency. Официальный сайт. Режим доступа: <https://en.trend.az> (дата обращения: 04.01.2025).

³⁵ Там же.

³⁶ Ministry of Economy of Azerbaijan Republic. Официальный сайт. Режим доступа: <https://economy.gov.az> (дата обращения: 04.01.2025). (In Azerbaijani).

³⁷ Закон Республики Узбекистан от 17.02.2020 г. № ЗРУ-604 «О специальных экономических зонах». Режим доступа: <https://lex.uz/ru/docs/4737514> (дата обращения: 04.01.2025).

³⁸ Министерство экономики и финансов Республики Узбекистан. Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.mineconomy.gov.uz/> (дата обращения: 04.01.2025).

³⁹ Свободная экономическая зона «Навои». Официальный сайт. Режим доступа: <https://feznanoi.uz/> (дата обращения: 04.01.2025).

⁴⁰ Ассоциация «Узпромстройматериалы». Свободная экономическая зона «Джизак». Режим доступа: <https://uzsm.uz/ru/investorlar-diqqatiga/industrial-zonalari/svobodnyy-ekonomicheskij-dzhizak/> (дата обращения: 04.01.2025).

что сохраняется зависимость от иностранного оборудования: 65 % станков в СЭЗ импортированы из Китая и Турции, что ограничивает локализацию технологий⁴¹. Для прорыва необходимы реформы: введение инновационных квот для резидентов (минимум 20 % проектов в high-tech (англ. высокие технологии), создание венчурных фондов по модели IT Park (Ташкент) и усиление кооперации с университетами. Без этого СЭЗ рискуют остаться зонами сборочных цехов, а не центрами генерации знаний.

В Беларуси функционируют 6 СЭЗ в каждом областном административном центре. Срок их действия предусмотрен до 31 декабря 2049 г. Цели их создания совпадают с целям создания российских ОЭЗ⁴². СЭЗ Беларуси, несмотря на схожесть целей с российскими ОЭЗ, демонстрируют умеренные успехи в развитии инноваций. В зонах, таких как «Минск» и «Гомель-Ратон», акцент сделан на импортозамещение и модернизацию промышленности. Например, резидент СЭЗ «Гродноинвест»⁴³ – компания «Интеграл» – внедряет технологии производства микроэлектроники, частично замещая зарубежные компоненты. Однако доля высокотехнологичных проектов остается низкой: лишь 15 % резидентов заняты в ИТ⁴⁴, биотехнологиях или инженерии, тогда как основная активность сосредоточена в машиностроении и пищевой промышленности. Для стимулирования НИОКР власти ввели гранты на разработки в сфере зеленой энергетики и цифровизации, но их использование ограничено высоким порогом входных инвестиций⁴⁵. Это создает барьер для стартапов, вынуждая их ориентироваться на традиционные секторы.

Уход международных ИТ-гигантов, таких как Wargaming, нанес удар по инновационному имиджу белорусских СЭЗ. Потеря ИТ-резидентов в 2022–2023 гг. существенно сократила объем экспорта цифровых услуг [Осмоловская, 2025]. Ключевым вызовом стал дефицит кадров. После массовой эмиграции ИТ-специалистов зоны вынуждены переориентироваться на подготовку молодых кадров через программы дуального образования. Перспективы для Беларуси, возможно, связаны с углублением кооперации с Россией и Китаем. Тем не менее, без смягчения регуляторных барьеров (например, разрешение регистрации иностранных стартапов) инновационный потенциал СЭЗ останется недораскрытым.

В Кыргызской Республике на текущий момент действуют только 5 ОЭЗ.⁴⁶ Несмотря на ограниченное количество СЭЗ, Кыргызстан предпринимает шаги к развитию инновационных направлений. Яркий пример – «Парк высоких технологий» (далее – ПВТ)⁴⁷ в Бишкеке, который, хотя формально и не входит в список ОЭЗ, де-факто функционирует как специализированная зона для ИТ-компаний. Резиденты ПВТ получают налоговые льготы (нулевая ставка на прибыль, налог на добавленную стоимость (далее – НДС) и на таможенные пошлины), что способствует притоку стартапов в сфере разработки программного обеспечения и кибербезопасности. В 2023 г. здесь было зарегистрировано 120 компаний, экспорт услуг которых вырос на 35 %⁴⁸. Однако в традиционных СЭЗ, например в «Бишкеке», инновационная активность остается низкой. Основные барьеры – недостаток финансирования и дефицит квалифицированных кадров. Для прорыва власти планируют расширить льготы для ИТ-резидентов в рамках СЭЗ и запустить программу «Цифровой Кыргызстан», направленную на подготовку 5 тыс. ИТ-специалистов к 2026 г.⁴⁹ Успех будет зависеть от интеграции с рынками ЕАЭС и от привлечения иностранных технологических партнеров.

⁴¹ Таможенный комитет при Министерстве экономики и финансов Республики Узбекистан. Официальный сайт. Режим доступа: <https://customs.uz> (дата обращения: 04.01.2025).

⁴² Закон Республики Беларусь от 07.12.1998 г. № 213-З «О свободных экономических зонах». Режим доступа: https://italy.mfa.gov.by/docs/lawfreeeconomic_zonesru.pdf (дата обращения: 04.01.2025).

⁴³ Гродноинвест. Официальный сайт. Режим доступа: <https://grodnoinvest.by> (дата обращения: 04.01.2025).

⁴⁴ Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Свободные экономические зоны. Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/statistika-malykh-territoriy/cvobodnye-ekonomicheskie-zony/index.php> (дата обращения: 04.01.2025).

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Закон Кыргызской Республики от 11.01.2014 г. № 6 «О свободных экономических зонах в Кыргызской Республике». Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/205226/edition/1236962/ru> (дата обращения: 05.01.2025).

⁴⁷ The Open Legal Tech. Гайд по получению статуса резидента Парка высоких технологий. Режим доступа: <https://tolt.kg/practice/gajd-po-polucheniuyu-statusa-rezidenta-parka-vysokih-tehnologij> (дата обращения: 05.01.2025).

⁴⁸ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Официальный сайт. Режим доступа: <http://stat.kg> (дата обращения: 05.01.2025).

⁴⁹ Концепция Цифровой трансформации Кыргызской Республики на 2024–2028 годы. Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/30-164/edition/6414/ru> (дата обращения: 05.01.2025).

В Монголии функционируют три СЭЗ, в том числе Первая Свободная зона Монголии «Алтанбулаг». Резидентам исследуемой СЭЗ предоставляются следующие налоговые и таможенные преференции: временное освобождение от подоходного налога и НДС на ввозимые товары, нулевая таможенная пошлина на экспорт и импорт товаров, скидки на уплату налога на недвижимость и земельного налога. Кроме того, предусмотрены упрощенная регистрация и иные стандартные для ОЭЗ административные преференции.

СЭЗ Монголии, включая «Алтанбулаг», демонстрируют слабую ориентацию на инновации, несмотря на значительные финансовые вложения. Основная деятельность резидентов сосредоточена в традиционных секторах: торговля, туризм, азартные игры и производство, тогда как упоминания о высокотехнологичных проектах или НИОКР отсутствуют. Налоговые преференции носят универсальный характер и не стимулируют специализированные инновационные направления, такие как ИТ, биотехнологии или зеленую энергетику. Отсутствие в законодательстве целевых программ для стартапов, цифровизации или трансфера технологий указывает на пробелы в стратегии развития. Для усиления инновационного потенциала необходимы внедрение отраслевых льгот (например, гранты для ИТ-резидентов), создание технопарков и партнерство с международными центрами (например, с Китайским институтом искусственного интеллекта). Пока СЭЗ Монголии остаются зонами коммерческой и промышленной активности, не отвечая вызовам современной технологической экономики.

Несмотря на общие вызовы, такие как регуляторная фрагментация и кадровый дефицит, ряд СЭЗ в странах СНГ демонстрируют впечатляющие результаты, становясь локомотивами инноваций и технологического трансфера. В качестве примеров успешной реализации стратегий рассмотрим ключевые кейсы, которые не только иллюстрируют эффективность преференциальных режимов, но и служат моделями для адаптации в других регионах. Эти проекты отражают как специфику национальных экономик, так и универсальные принципы работы с инвесторами, цифровизацией и экспортной ориентацией.

Казахстан выделяется развитой экосистемой для технологических стартапов. Astana Hub (Астана) предлагает резидентам полное освобождение от корпоративных налогов, НДС и социальных платежей, а также доступ к программам акселерации и международному нетворкингу⁵⁰. В 2023 г. здесь зарегистрировали свыше 1,5 тыс. ИТ-компаний, включая криптоплатформу Binance. «Парк информационных технологий» в Алматы фокусируется на Индустрии 4.0, объединяя проекты в сфере телекоммуникаций, робототехники и зеленой энергетики⁵¹. Узбекистан, в свою очередь, развивает IT Park⁵² (Ташкент) и Cyber Park⁵³ (Самарканд), где резиденты получают налоговые каникулы (подоходный налог – 7,5 %), поддержку в обучении кадров и экспорте ИТ-услуг. К 2024 г. доля ИТ-экспорта Узбекистана выросла на 40 % во многом благодаря льготам СЭЗ.

Армения активизируется в высокотехнологичных секторах через СЭЗ «Альянс»⁵⁴ (Ереван) и «ЭКОС» (Ереван)⁵⁵. Первая специализируется на биотехнологиях и фармацевтике, предлагая резидентам освобождение от всех налогов, кроме подоходного (23 %). Вторая – единственная в регионе СЭЗ для криптотехнологий, где компании не платят НДС, таможенные пошлины и налог на прибыль. В Кыргызстане ПВТ (Бишкек) привлекает ИТ-стартапы нулевой ставкой налога на прибыль и упрощенным доступом к рынкам ЕАЭС⁵⁶. Грузия, хотя и менее ориентирована на ИТ, предлагает уникальные условия в свободной зоне Потти – отсутствие корпоративного налога, 100 %-ную репатриацию прибыли и логистические преимущества благодаря близости к Черному морю⁵⁷.

Регион демонстрирует растущий потенциал как площадка для технологических инноваций. Ключевые факторы успеха – налоговые преференции (до 0 % для ИТ-сектора), интеграция с международными рынками (ЕАЭС, Ближний Восток) и государственная поддержка кадровых программ. Однако для усиления конкурентоспособности требуется развитие венчурной экосистемы и патентной инфраструктуры.

⁵⁰ Astana Hub. Официальный сайт. Режим доступа: <https://astanahub.com/> (дата обращения: 05.01.2025).

⁵¹ Tech Garden. Автономный кластерный фонд «Парк инновационных технологий». Режим доступа: https://techgarden.kz/about_fund (дата обращения: 05.01.2025).

⁵² IT PARK. Официальный сайт. Режим доступа: <https://it-park.uz/> (дата обращения: 05.01.2025).

⁵³ Cyber Park. Официальный сайт. Режим доступа: <https://cyberpark.uz/> (дата обращения: 05.01.2025).

⁵⁴ Свободная экономическая зона Армении. Официальный сайт. Режим доступа: <https://fez.am/> (дата обращения: 05.01.2025).

⁵⁵ Ассоциация Армянских Предпринимателей. Как стать резидентом СЭЗ «ЭКОС»? Режим доступа: <https://www.armassociation.com/ru/business/how-to-become-a-resident-of-ECOS-free-economic-zone> (дата обращения: 05.01.2025).

⁵⁶ High Technology Park. Официальный сайт. Режим доступа: <https://htp.kg/> (дата обращения: 05.01.2025).

⁵⁷ Georgia Wealth. Свободные зоны в Грузии. Режим доступа: <https://georgiawealth.info/free-zones-of-georgia/> (дата обращения: 05.01.2025).

Можно утверждать, что резиденты все чаще выбирают СЭЗ не из-за фискальных льгот (которые нивелируются глобальной налоговой конкуренцией), а из-за доступа к логистическим хабам, административным «песочницам», сервисам «одного окна» и к синергии с локализованными кластерами. Например, в ОЭЗ «Иннополис» (Россия) резидентов привлекают цифровая инфраструктура и ИТ-поддержка как ключевой фактор выбора, а в китайской зоне Шэньчжэня большая часть инвесторов ориентируется на близость к цепочкам поставок Юго-Восточной Азии.

Геополитические вызовы, включая санкции 2022–2025 гг., стали катализатором эволюции преференциальных режимов. Страны, от России до ОАЭ, усиливают конкуренцию за инвесторов, предлагая не просто налоговые каникулы, а гарантии правовой стабильности, ускоренные процедуры согласования проектов и защиту от внешних рисков. Так, в ответ на санкции Россия расширила льготы для резидентов ОЭЗ из дружественных стран, включая упрощенный доступ к инфраструктуре портовых зон и субсидирование логистических издержек. В 2023 г. 45 % новых резидентов российских ОЭЗ были компании из Азии и Ближнего Востока, чей интерес обусловлен не столько налоговыми ставками, сколько интеграцией в евразийские транспортные коридоры (Север – Юг, международный транспортный коридор «Приморье-1»).

Однако рост числа СЭЗ в мире (свыше 5,4 тыс. зон в 147 странах к 2024 г.) обостряет конкуренцию. Для сохранения привлекательности государствам необходимо:

- 1) комбинировать «мягкие» и «жесткие» преимущества – синхронизацию цифровых сервисов (например, блокчейн-регистрация сделок в ОЭЗ Дубая) с инфраструктурными мегапроектами;
- 2) гарантировать стратегическую предсказуемость – включение положений о защите инвесторов от санкций в законодательство;
- 3) фокусироваться на ESG-трансформации (англ. environmental, social, governance – экологическое, социальное и корпоративное управление): зоны ЕС и Азии (Сингапур) привлекают резидентов льготами для зеленых проектов, что актуально в свете новых требований к устойчивости цепочек создания стоимости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

Можно заключить, что в современных условиях правовое регулирование СЭЗ в странах СНГ является ключевым элементом экономической стратегии, направленной не только на привлечение инвестиций, но и на формирование инновационных экосистем. Стабильность и предсказуемость нормативно-правовой базы, подкрепленные мерами по стимулированию НИОКР и цифровой трансформации, напрямую влияют на эффективность инноваций, превращая СЭЗ в центры технологического прорыва.

Унификация правил, налоговые льготы для высокотехнологичных проектов и интеграция цифровых инструментов (например, блокчейн для таможенных операций) уже демонстрируют результаты: доля инновационной продукции в экспорте СЭЗ Казахстана и России выросла на 25–30 % за 2022–2024 гг. Однако для устойчивого роста необходимы глубокая гармонизация законодательства в рамках ЕАЭС, создание правовых «песочниц» для тестирования новых технологий и усиление поддержки стартапов через грантовые программы. Только такой подход позволит СЭЗ стать не просто инструментом налоговой оптимизации, а драйвером структурной модернизации экономик региона, обеспечивая долгосрочную конкурентоспособность на глобальных рынках. Таким образом, преференциальные режимы становятся не только экономическими убежищами, но и драйверами структурных изменений, где успех определяется способностью сочетать административную гибкость, инфраструктурную связанность и адаптацию к глобальным трендам – от декарбонизации до цифровизации. Это подтверждает мировая практика: даже в условиях санкций объем инвестиций в СЭЗ стран БРИКС вырос на 18 % в 2023 г., а их вклад в ВВП превысил 4 %, демонстрируя, что эффективность зон измеряется не льготами, а их ролью в перестройке экономической архитектуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зверков В.И., Козловский А.Н., Шпиленко А.В. (ред.) Особые экономические зоны России. Бизнес-навигатор. 2021. М.: Ассоциация кластеров и технопарков России; 2021. 241 с.

Осмоловская А.С. Экспорт ИТ-товаров и услуг Республики Беларусь: проблемы и перспективы. В кн.: Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов. Выпуск 33. Минск: Четыре четверти; 2025. С. 136–139.

- Avdjiev S., McGuire P., von Peter G.* International dimensions of EME corporate debt. *BIS Quarterly Review*. 2020.
- Balcilar M., Usman O., Gungor H., Roubaud D., Wohar M.E.* Role of global, regional, and advanced market economic policy uncertainty on bond spreads in emerging markets. *Economic Modelling*. 2021;102. <http://dx.doi.org/10.1016/j.econmod.2021.105576>
- Chang L., Taghizadeh-Hesary F., Chen H., Mohsin M.* Do green bonds have environmental benefits? *Energy Economics*. 2022;115. <http://dx.doi.org/10.1016/j.eneco.2022.106356>
- Demirer R., Ferrer R., Shahzad S.J.H.* Oil price shocks, global financial markets and their connectedness. *Energy Economics*. 2020;88. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3394320>
- Fajardo J., Mendes L.* On the propensity to issue contingent convertible (CoCo) bonds. *Quantitative Finance*. 2020;4(20):691–707.
- Ferriani F.* From taper tantrum to COVID-19: portfolio flows to emerging markets in periods of stress. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*. 2021;74. <http://dx.doi.org/10.1016/j.intfin.2021.101391>
- Guang-Wen Z., Murshed M., Siddik A.B., Alam M.S., Balsalobre-Lorente D., Mahmood H.* Achieving the objectives of the 2030 sustainable development goals agenda: causalities between economic growth, environmental sustainability, financial development, and renewable energy consumption. *Sustainable Development*. 2023;2(31):680–697.
- Iqbal B.A.* BRICS as a driver of global economic growth and development. *Global Journal of Emerging Market Economies*. 2021;1(14):7–8. <http://dx.doi.org/10.1177/09749101211067096>
- Jian J., Fan X., Zhao Sh.* The green incentives and green bonds financing under the belt and road initiative. *Emerging Markets Finance and Trade*. 2022;5(58):1430–1440. <http://dx.doi.org/10.1080/1540496X.2021.1887726>
- Kenourgios D., Umar Z., Lemonidi P.* On the effect of credit rating announcements on sovereign bonds: international evidence. *International Economics*. 2020;163:58–71. <http://dx.doi.org/10.1016/j.inteco.2020.04.006>
- Kim S., Shin H.S.* Offshore EME bond issuance and the transmission channels of global liquidity. *Journal of International Money and Finance*. 2021;112. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jimonfin.2020.102336>
- Mikhaylov A.* Understanding the risks associated with wallets, depository services, trading, lending, and borrowing in the crypto space. *Journal of Infrastructure, Policy and Development*. 2023;3(7). <https://doi.org/10.24294/jipd.v7i3.2223>
- Mikhaylov A., Yousif N.B.A., Dincer H., Yüksel S., Karpyn Z.* Analysis of the knowledge and innovation-based customer expectations for the green crypto assets in investment strategies using artificial intelligence and facial expression-based fuzzy modelling. *Quality and Quantity*. 2025. <https://doi.org/10.1007/s11135-025-02098-7>
- Mutalimov V., Kovaleva I., Mikhaylov A., Stepanova D.* Assessing regional growth of small business in Russia. *Entrepreneurial Business and Economics Review*. 2021;3(9):119–133. <https://doi.org/10.15678/EBER.2021.090308>
- Otek N.U.Y., Yan Ch., Nasiri A., Mboungam A.H.M.* Green bonds issuance: insights in low- and middle-income countries. *International Journal of Corporate Social Responsibility*. 2021;6. <https://jcsr.springeropen.com/articles/10.1186/s40991-020-00056-0>
- Samitas A., Kampouris E., Umar Z.* Financial contagion in real economy: the key role of policy uncertainty. *International Journal of Finance & Economics*. 2022;2(27):1633–1682. <http://dx.doi.org/10.1002/ijfe.2235>
- Umar Z., Yousaf I., Aharon D.Ye.* The relationship between yield curve components and equity sectorial indices: evidence from China. *Pacific-Basin Finance Journal*. 2021;68. <http://dx.doi.org/10.1016/j.pacfin.2021.101591>
- Wu Yu.* Are green bonds priced lower than their conventional peers? *Emerging Markets Review*. 2022;52. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ememar.2022.100909>
- Zhang X., Wang Z.* Marketization vs market chase: insights from implicit government guarantees. *International Review of Economics & Finance*. 2020;69:435–455.

REFERENCES

- Avdjiev S., McGuire P., von Peter G.* International dimensions of EME corporate debt. *BIS Quarterly Review*. 2020.
- Balcilar M., Usman O., Gungor H., Roubaud D., Wohar M.E.* Role of global, regional, and advanced market economic policy uncertainty on bond spreads in emerging markets. *Economic Modelling*. 2021;102. <http://dx.doi.org/10.1016/j.econmod.2021.105576>
- Chang L., Taghizadeh-Hesary F., Chen H., Mohsin M.* Do green bonds have environmental benefits? *Energy Economics*. 2022;115. <http://dx.doi.org/10.1016/j.eneco.2022.106356>
- Demirer R., Ferrer R., Shahzad S.J.H.* Oil price shocks, global financial markets and their connectedness. *Energy Economics*. 2020;88. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3394320>.

- Fajardo J., Mendes L.* On the propensity to issue contingent convertible (CoCo) bonds. *Quantitative Finance*. 2020;4(20):691–707.
- Ferriani F.* From taper tantrum to COVID-19: portfolio flows to emerging markets in periods of stress. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*. 2021;74. <http://dx.doi.org/10.1016/j.intfin.2021.101391>.
- Guang-Wen Z., Murshed M., Siddik A.B., Alam M.S., Balsalobre-Lorente D., Mahmood H.* Achieving the objectives of the 2030 sustainable development goals agenda: causalities between economic growth, environmental sustainability, financial development, and renewable energy consumption. *Sustainable Development*. 2023;2(31):680–697.
- Iqbal B.A.* BRICS as a driver of global economic growth and development. *Global Journal of Emerging Market Economies*. 2021;1(14):7–8. <http://dx.doi.org/10.1177/09749101211067096>
- Jian J., Fan X., Zhao Sh.* The green incentives and green bonds financing under the belt and road initiative. *Emerging Markets Finance and Trade*. 2022;5(58):1430–1440. <http://dx.doi.org/10.1080/1540496X.2021.1887726>
- Kenourgios D., Umar Z., Lemonidi P.* On the effect of credit rating announcements on sovereign bonds: international evidence. *International Economics*. 2020;163:58–71. <http://dx.doi.org/10.1016/j.inteco.2020.04.006>
- Kim S., Shin H.S.* Offshore EME bond issuance and the transmission channels of global liquidity. *Journal of International Money and Finance*. 2021;112. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jimonfin.2020.102336>
- Mikhaylov A.* Understanding the risks associated with wallets, depository services, trading, lending, and borrowing in the crypto space. *Journal of Infrastructure, Policy and Development*. 2023;3(7). <https://doi.org/10.24294/jipd.v7i3.2223>
- Mikhaylov A., Yousif N.B.A., Dincer H., Yüksel S., Karpyn Z.* Analysis of the knowledge and innovation-based customer expectations for the green crypto assets in investment strategies using artificial intelligence and facial expression-based fuzzy modelling. *Quality and Quantity*. 2025. <https://doi.org/10.1007/s11135-025-02098-7>
- Mutalimov V., Kovaleva I., Mikhaylov A., Stepanova D.* Assessing regional growth of small business in Russia. *Entrepreneurial Business and Economics Review*. 2021;3(9):119–133. <https://doi.org/10.15678/EBER.2021.090308>
- Osmolovskaya A.S.* Export of IT goods and services of the Republic of Belarus: problems and prospects. In: *Collection of scientific articles of students, undergraduates, and postgraduates*. Issue 33. Minsk: Four Quarters; 2025. Pp. 136–139. (In Russian).
- Otek N.U.Y., Yan Ch., Nasiri A., Mboungam A.H.M.* Green bonds issuance: insights in low- and middle-income countries. *International Journal of Corporate Social Responsibility*. 2021;6. <https://jcsr.springeropen.com/articles/10.1186/s40991-020-00056-0>
- Samitas A., Kampouris E., Umar Z.* Financial contagion in real economy: the key role of policy uncertainty. *International Journal of Finance & Economics*. 2022;2(27):1633–1682. <http://dx.doi.org/10.1002/ijfe.2235>
- Umar Z., Yousaf I., Aharon D.Ye.* The relationship between yield curve components and equity sectorial indices: evidence from China. *Pacific-Basin Finance Journal*. 2021;68. <http://dx.doi.org/10.1016/j.pacfin.2021.101591>
- Wu Yu.* Are green bonds priced lower than their conventional peers? *Emerging Markets Review*. 2022;52. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ememar.2022.100909>
- Zhang X., Wang Z.* Marketization vs market chase: insights from implicit government guarantees. *International Review of Economics & Finance*. 2020;69:435–455. <http://dx.doi.org/10.1016/j.iref.2020.06.021>
- Zverkov V.I., Kozlovsky A.N., Shpilenko A.V. (eds.)* Special economic zones of Russia. *Business navigator*. 2021. Moscow: Association of clusters, technology parks and SEZ of Russia; 2021. 241 p. (In Russian).